

УДК 811.512.31 + 929
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-58-62

**БУРЯТСКИЙ СЛОВАРНЫЙ МАТЕРИАЛ
В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА**

© **Бондарь Лариса Дмитриевна**
кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
L007@list.ru

© **Сизова Алла Алексеевна**
Институт восточных рукописей РАН
Россия, г. Санкт-Петербург
al.la.sizova@yandex.ru

Представлена работа первого ученого-исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта (1685–1735) по сбору словарного материала во время его восьмилетнего путешествия. Даны основные сведения о характере представления словарного материала, о методике его сбора. Дана характеристика бурятского словарного материала, представляющего собой как самостоятельные словники, так и разрозненные записи словарного характера. По сути словники Д. Г. Мессершмидта являются первыми бурятскими словарями, зафиксированными европейскими путешественниками, которые, однако, долгие годы оставались неизвестными исследователям и только сейчас начинают вводиться в научный оборот.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, лингвистические исследования, словарный материал, монгольские языки, бурятский словник.

**BURYAT LEXIS IN THE TRAVEL JOURNAL
OF D. G. MESSERSCHMIDT**

Larisa D. Bondar
Cand. Sci. (Hist.)
St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
L007@list.ru

Alla A. Sizova
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
al.la.sizova@yandex.ru

The work of the first researcher of Siberia D. G. Messerschmidt (1685–1735) on the collection of vocabulary material during his eight-year journey is presented. Basic information is given about the methodology of the vocabulary material presentation and their collection. The characteristics of the Buryat lexis, which is presented in both dictionaries and lexis, are given. In fact, D.G. Messerschmidt's glossaries are the first Buryat dictionaries, recorded by European travellers, which, however, remained unknown to researchers for many years and only now are beginning to be introduced into scientific circulation.

Keywords: D.G. Messerschmidt, linguistic research, vocabulary material, Mongolian languages, Buryat glossary.

Первый ученый-исследователь Сибири немецкий путешественник Д. Г. Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735) был направлен в научное путешествие по при-

казу императора Петра I и с первых дней своего пребывания стал заниматься сбором информации о местном населении, включая сведения о языках тех народов, с которыми он сталкивался на протяжении своего путешествия.

Как показало изучение документов фонда Д. Г. Мессершмидта (№ 98), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), все свои записи путешественник изначально делал в черновом варианте на разрозненных листах, а затем оформлял их в чистовом виде [Бондарь, 2021]. Словники приобретали чистовой вид, главным образом, в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта, который сохранился в виде 5 объемных тетрадей, переплетенных в телячью кожу [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1–5]. Большая часть записанных в дневнике словников вошла в берлинское издание дневников, осуществленное в 1960–1970-х гг. в ГДР [Messerschmidt, 1962–1977]. К сожалению, опубликованные словники часто не сохраняют авторскую графику, искажая способ фиксации полученной лексики; к тому же некоторые словники не вошли в берлинское издание, потому при изучении материала необходима работа с оригинальным документом.

Вместе с тем в фонде есть образец самостоятельной рукописи, представляющей собой подборку словарного материала. Это тетрадка, названная Д. Г. Мессершмидтом «*Vocabularium polyglotton Tattaricum*» («Многоязычный татарский словарь») [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35]. К этой тетрадке в архивном деле приложены черновые листы, подтверждающие то, что и эта подборка составлялась на основе первоначальных рабочих записей [Там же. Л. 25–28]. Так, словник на л. 28 перечеркнут, поскольку был переписан начисто в эту тетрадку (л. 22–22об.). Черновик же, как и в ряде других случаев, был сохранен, очевидно, для последующих уточнений. Есть веские основания предполагать, что был записан, как минимум, еще один словник — калмыцкий [Бондарь, 2022], который сегодня нигде не обнаруживается.

Собранный словарный материал представлен также в другой форме. В соответствии с традицией своего времени (прежде всего — зоологической) Д. Г. Мессершмидт, описывая биологический вид, перечислял его названия на всех известных ему языках. Распространенными в научной литературе языками кроме классических были также английский и немецкий. Д. Г. Мессершмидт, продолжая традицию предшественников, включил сюда, как абсолютное новшество для своего времени, русские названия и названия на тех неизвестных Европе сибирских и восточных языках, с которыми он познакомился во время своего путешествия. Эту методику впоследствии взял на вооружение научный воспреемник Д. Г. Мессершмидта Петр Симон Паллас (Peter Simon Pallas, 1741–1811), путешествовавший через полвека теми же сибирскими маршрутами. Такие подборки видовых названий встречаются в нескольких документах: в двух перечнях птиц, встретившихся путешественнику на его пути и изученных им [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 58–65об.; 66–81], и в обширной рукописи, включившей подробнейшие описания встреченных им орнитологических видов, — «*Ornithologicon*» [Там же. Д. 8–16], а также в перечнях видов всех трех царств природы (минералов, растений и животных), которые составляют основную часть рукописи Д. Г. Мессершмидта, подведшей итог его восьмилетнего путешествия — «*Sibiria Perlustrata*» [Там же. Д. 22].

Словарный материал, собранный на протяжении сибирского путешествия (1 марта 1721 — 27 марта 1727 г.), зафиксирован в путевом дневнике (кроме утраченной части дневника — с начала 1727 г.). Объемы записанных словников с течением времени увеличивались. Кроме того, менялся и их характер. Первоначальные записи содержат достаточно случайный набор лексики, которую удавалось получить у местного населения; со временем же словники приобретают характер тематических номенклатур, отражая работу по целенаправленному собиранию лексики интересовавшей путешественника семантики

[Бондарь, Поникаровская, 2021]. Особое внимание ученый уделял зоологической номенклатуре, второй по значению следует отметить ботаническую.

Опираясь на многочисленные упоминания в дневнике, можно получить представление о методике сбора материала для таких номенклатур. Очевидно, что получить у местного населения название каких-либо объектов в отсутствие переводчика, знавшего этот язык, путешественник мог лишь в том случае, если он мог указать информанту на интересующий его объект. Это легко можно было сделать в отношении предметов обихода, частей тела, деталей окружающего пейзажа, домашних животных, продуктов и т. д. Однако наиболее обширные словники являются зоологическими (прежде всего орнитологическими) номенклатурами. В этом случае, как рассказывает в дневнике сам Д. Г. Мессершмидт, на помощь путешественнику приходили чучела птиц, коллекция которых росла во время путешествия и которые он мог предъявить своим информантам [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 247]. В других случаях ученый получал нужные ему названия при помощи иллюстрированных научных книг [Там же. Д. 3. Л. 43 об.]. Также мы знаем, что, столкнувшись со случаями получения недостоверной информации (причины которых могли быть самыми разными), Д. Г. Мессершмидт практиковал проверку полученных данных через повторный опрос других респондентов [Там же. Д. 2. Л. 158–158 об., 162, 291]. В итоге в дневнике было записано около пяти десятков словников различного объема.

Словники, записанные в дневнике, организованы в целом по одному и тому же принципу: полученная лексика передана в латинской транскрипции с простановкой акцентуации — если не во всех, то в подавляющем большинстве случаев. Для каждого слова предлагается эквивалент на латинском и немецком языке: либо на обоих языках сразу, либо на одном из них; в ряде случаев имеется русский эквивалент, записанный латиницей или кириллицей.

С бурятами в местах их проживания Д. Г. Мессершмидт впервые встретился в декабре 1723 г., когда двигался из Верхоленска в Иркутск и по пути имел возможность посетить несколько мест, где проживали буряты. 8 декабря 1723 г. в стойбище на р. Анга он записал 49 слов. Сначала шли числительные, что являлось отличительной чертой методики Д. Г. Мессершмидта, безусловно основанной на рекомендациях Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm von Leibniz; 1646–1716) об использовании этого лексического материала в качестве основы сравнительного анализа языков. Эту методику путешественник освоил еще в Тобольске при первых обращениях к языковым исследованиям в сотрудничестве с представителями знаменитой лютеранской школы Курта Фридриха Врееха (Curt Friedrich von Wreech; 1650–1757), сплотившей вокруг себя интеллектуальные круги шведских офицеров, находившихся в русском плену после Полтавской битвы [Черказьянова, 2001].

С 13 декабря 1723 г. Д. Г. Мессершмидт работал над формированием бурятского словника, делая записи три дня подряд: 13 декабря в стойбище Omochón было записано 63 слова (преимущественно зоологическая номенклатура), 14 декабря в бурятских юртах (Burathische-Bulgáhum) в шести верстах от Егорова зимовья (Jegógowa Simobhia) — 29 слов, 15 декабря в юртах на левом берегу р. Куда, на месте впадения в нее реки, называемой Д. Г. Мессершмидтом Artaeh, — 45 слов [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 288об. — 291об.]. Именно для этих словников сохранялись предварительные черновые записи, позволяющие зафиксировать процесс доработки языкового материала при перенесении его из рабочих заметок в дневник [Bondar, Ćivtaev, 2020, с. 26–31; Бондарь, 2021, с. 204–211].

Именно тогда стало заметно расширение лингвистических интересов ученого: в бурятском словнике отсутствует явный перевес зоологической лексики, кроме того, Д. Г. Мессершмидт сумел увидеть родство бурятского и калмыцкого языков: «Что каса-

ется их (бурят. — Л. Б., А. С.) языка, то он подобен калмыцкому, хотя, кажется, не такой чистый» [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 284]. Позже, в 1724 г., находя параллели между бурятским и другими монгольскими (прежде всего халха-монгольским) языками, Мессершмидт начинает при записи слов в некоторых случаях пользоваться термином «монголо-бурятский» (Mongalo-Burjatis) [Сизова, 2021а, с. 335].

Четыре слова были записаны в Иркутске (26 января и 28 февраля 1724 г.), а новая встреча с бурятским языком состоялась после завершения зимовки в Иркутске и переезда Д. Г. Мессершмидта в Удинск. Отдельные слова появляются в записях, сделанных в пути (январь–март 1724 г.), а в Удинске 8 апреля 1724 г. был записан небольшой словник из 17 слов [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 89об.].

Следует отметить, что в отношении одиночных бурятских соответствий, появляющихся в дневнике, не всегда можно быть уверенным, что они были получены в день записи (или в ближайшие дни). Такого рода одиночные записи появляются при описании отдельных видов в соответствии с отмеченной выше традицией, которой Д. Г. Мессершмидт строго придерживался в том числе в дневнике: давать при описании вида его наименование на различных языках. Имеются примеры, когда среди наименований видов, записанных в дневнике, появляется название на языке, с носителями которого путешественник встретился значительно раньше и не должен был встретиться в то время, когда делалась дневниковая запись. Такие названия переносились, очевидно, из рабочих записей, которые были у путешественника с собой. Так, например, 24 октября 1723 г. Д. Г. Мессершмидт указал калмыцкое соответствие для слова «белка», тогда как с калмыцким языком у него была возможность познакомиться только весной 1722 г. [Сизова, 2021а, с. 333–334].

Очевидно, именно так следует трактовать многочисленные примеры появления бурятских названий при описании биологических видов (в значительной степени орнитологических) на протяжении 1724 и 1725 гг. В статье А. А. Сизовой отмечено около 60 таких примеров [Сизова, 2021а, с. 334–335]. Повторы в записях в разные дни тех же самых наименований также могут служить свидетельством несинхронной записи лексики.

Кроме того, на полях дневника записаны два монгольских словника средствами старомонгольской графики (с латинской транскрипцией слов и эквивалентами на латинском и немецком языках), которую Д. Г. Мессершмидт стал изучать волею судеб в октябре 1724 г. Тогда же был записан первый словник, включивший в себя 223 слова и словосочетания [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. Л. 266–280]. В марте–апреле 1725 г. путешественник записал второй словник объемом в 446 словарных статей [Там же. Д. 4. Л. 65–88об.], среди которых — большая часть исправленных и упорядоченных единиц первого словника. Особенность второго словника состоит в том, что существенный вклад в его составление внесли, по всей видимости, информанты-буряты, так что и он может служить источником по бурятскому языку начала XVIII в. [Сизова, 2021b].

В сравнении с другими языками, объем бурятского материала не очень велик, однако это были первые бурятские словники, записанные европейским путешественником в аутентичной языковой среде. К сожалению, судьба научного наследия Д. Г. Мессершмидта сложилась трагически: после завершения экспедиции все записи были у путешественника изъяты; ему самому было запрещено обнародовать этот материал, не сделали этого и другие ученые [Тункина, Савинов, 2017, с. 47–66]. Богатейшие сведения, в том числе словарные, оставались неизвестны ученым на протяжении веков и лишь в последние десятилетия начинают вводиться в научный оборот.

Источники и литература

1. СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

2. Бондарь Л. Д. Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 199–213.
3. Бондарь Л. Д. Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 21. Серия «История, филология». 2022. № 8: История (в печати).
4. Бондарь Л. Д., Поникаровская М. В. Зоолог или лингвист? Работа Д. Г. Мессершмидта с зоологической лексикой // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 275–290.
5. Сизова А. А. Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021а. С. 330–342.
6. Сизова А. А. Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021б. С. 343–351.
7. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017.
8. Черказьянова И. В. Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: российско-германский диалог / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дм. Буланин, 2001. С. 155–168.
9. Bondar L., Čivtaev Yu. Über einige kartographische Zeichnungen D. G. Messerschmidts // Aus Sibirien — 2019: научно-информационный сборник / гл. ред. А. П. Ярков. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2020. С. 24–31.
10. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727 / hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Bd. 1–5. Berlin: Akademie-Verlag, 1962–1977.